

Е. В. АЛЕКСЕЕВА

Эвристические возможности концепции диффузионизма в изучении взаимодействия европейской и российской цивилизаций

Актуальность исследования межкультурного взаимодействия. Проблема межкультурных контактов, взаимодействия разных народов и цивилизаций – одна из важнейших в историческом дискурсе. Ее изучение одинаково актуально и для России, воплотившейся в огромном евразийском пространстве, и для «сердца» Европы – Венгрии.

Взаимовлияние народов – краеугольный камень в изучении истории финно-угров в целом и прародителей современных венгров, в частности. Движение их предков из Зауралья сначала в бассейн Камы, позже в причерноморские и приазовские степи, объединение в мадьярском племенном союзе собственно венгерских племён и союзных, этнически хазарских родов, ассимиляция ими славян, австрийский период, кульминаровавший в формировании Австро-Венгрии, наконец, суверенная Венгрия, расположенная в центре многонациональной Европы, на перекрестке множества путей – это история слияний и размежеваний племён и народов, восприятия, отторжения, синтеза разнообразных элементов культур.

В равной степени, финно-угорские компоненты чрезвычайно значимы в формировании русского этноса, в том числе и в

его прямом, биологическом аспекте – учитывая генетическую близость русских и коми-зырян, мордвы, марийцев и т.д. («Затерялась Русь в Мордве и Чуди, ничем ей страх». С. Есенин). После славянской и тюркской, финно-угорская группа народов – третья по численности среди всех народов России. Характерной их особенностью является открытость к этнокультурному взаимодействию, стремление сохранить в своей культуре как можно больше обычаев и традиций, включая и заимствованные.

Для огромного географического пространства, на протяжении столетий приобретающего очертания Российской государственности, нахождение на перекрестке разных миров, постоянное восприятие иноземной материальности и духовности имело огромное значение. Из множества повседневных контактов, мирных и воинственных – складывались цивилизационные координаты и целые эпохи отечественной истории, характеризующиеся историками как норманнская, византийская, тюркская, европейская.

Докиевская Русь (VIII – X в.) испытывала сильное *норманнское* влияние. Некоторые исследователи полагают, что само название русского государства восходит не только к норманнскому периоду, но опосредовано угро-финнами. Финское *ruotsi*, саамское *ruossa*, эстонское *roots*, водское *rotsi*, ливское *ruots*, карельское *rotsi* одинаково означает «швед, Швеция»; это слово происходит от шведского *ruþs* – «ребць»; оно первоначально означало экипаж морского судна – дракара, а позже – «морское ополчение», «войско»¹. Мусульманские купцы в Булгаре, по-видимому, переняли этот этноним у угро-финнов; они называли норманнов «ар-рус»².

Период Киевской Руси (XI – XII вв.) и древнерусских княжеств отмечен вступлением христианизируемого славянского государства в круг *византийской* культуры и раннефеодальных ев-

ропейских монархий. Однако необходимо учитывать внутренние этнические процессы: княжества развивались на землях заселенных финно-угорскими племенами чуди, мери и мешеры, а также на мордовских, вепсских, вольско-ижорских, карельских и пермских территориях. Финно-угры адаптировали новый язык и отчасти воспринимали византийскую духовную культуру. Средневековая культура финно-угров развивалась в тесном взаимодействии с древнерусской культурой. Некоторые из финно-угорских племен вошли в состав государственной территории Древней Руси, в результате в отдельных регионах Восточной Европы сформировался славяно-финский симбиоз.

Татаро-монгольское завоевание предопределило преобладание восточной, *тюркской* составляющей в складывавшейся русской культуре и государственности (XIII – XV вв.). Включенная в состав Орды, Русь на протяжении трех веков воспринимала восточные порядки и традиции. Благодаря огромности своих пространств она впитала в себя татаро-монгольскую завоевательную диффузионную волну, ослабив ее влияние на Европу, в том числе, и на венгерские земли. «России определено было высокое предназначение, – писал А.С.Пушкин, – ее необозримые равнины поглотили силу монголов, варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...». Влияние Востока, однако, с уходом монголов не исчезло – центр нового культурного круга, распространившегося на Московию, переместился к туркам-османам.

Со второй половины XVI в., (наиболее заметно в период реформаторской деятельности Петра Великого – 1697-1725 гг.), Россия вновь поворачивается лицом к *европейской* цивилизации, и

эта тенденция многократно усиливается к началу XX в., когда потребности модернизации огромной империи диктуют необходимость масштабных технологических и культурных заимствований у передовых государств мира, таких как Великобритания, Германия и США. В условиях современного глобального мира Россия вновь следует в фарватере западной цивилизации.

Таким образом, на протяжении всей своей истории Россия подвергалась влиянию множества разнообразных цивилизаций и культур, вбирала в себя их элементы. Результаты их синтеза с местной традицией сформировали специфику российской цивилизации. Обращение исследовательского внимания к ходу и результатам взаимодействия культур должно способствовать дальнейшему осмыслению места России в мировом цивилизационном процессе, уяснению культурно-цивилизационной специфики ее модернизации, особенностей сочетания внутренних и внешних импульсов, определявших социокультурное, институционально-политическое и экономическое развитие России на разных этапах ее истории.

Диффузионизм и его эвристический потенциал в изучении взаимоотношений России и Европы. Круг проблем, связанных с развитием разных культур и цивилизаций в ходе их взаимодействия, составляет предметное поле исследователей – диффузионистов³. Главное внимание фокусируется ими на нововведениях как результатах внешних влияний и различных аспектах их передачи и внедрения в других обществах. Диффузия культуры, не имеющая аналога в биологической эволюции, подразумевает взаимодействие и, в том числе, сотрудничество между обществами, способность исторических “конкурентов” усваивать достижения друг друга.

В контексте диффузионизма центральной является идея о том, что в основе поступательного развития человеческого сообщества лежат фундаментальные открытия. Они влекут за собой подъём страны, где были сделаны, становящейся на определённый период лидером прогресса. Её возросший общественный потенциал, как правило, выливается в экспансию, отразить которую с большей долей вероятности удаётся народу, перенявшему изобретённую технику, технологию или их совокупность. Их заимствование сопрягается с распространением отдельных элементов или комплексов идей, представлений, административных и социальных практик, а также объектов и феноменов материальной культуры, предметов искусства и бытовой повседневности. То есть, из центра выработки нововведения распространяется культурный круг, который, соприкасаясь со специфичными особенностями местной среды, исторической традиции и устоев, трансформируется, приобретая новые качества. Происходит синтез привнесённого извне с существовавшим ранее на родине. Таким образом, в интересующем нас социальном контексте *диффузия* может быть определена как процесс привнесения, распространения и адаптации инноваций в обществе при непосредственном контакте участников взаимодействия или опосредованно через различные средства передачи информации.

Значимость социального подражания, заимствования привлекательных идей, артефактов и эффективных технологий их производства для прогресса и сближения уровня развития культур давно и плодотворно изучается как применительно к конкретным народам и ограниченным периодам⁴, так и на уровне социальных обобщений, генерализации тенденций на протяжении больших исторических эпох и множества разнообразных культур⁵.

Диффузионистский подход представляется весьма продуктивным, так как нацелен не просто на констатацию, нарративное изложение истории контактов, но открывает возможность нахождения их причин и смыслов. В ряду разнообразных методов исторического исследования диффузионизм – один из самых универсальных. Базируясь на его идеях, можно изучать историю как древних, так и современных обществ. В начале XXI столетия, в эпоху теснейших информационных, культурных, экономических взаимосвязей, эвристические возможности концепции диффузионизма представляются особенно наглядными. Свидетельством большого эвристического потенциала этого подхода является и факт его использования различными дисциплинами (археология, этнология, история, лингвистика), что неудивительно, поскольку в человеческом обществе архетипически устойчивы и одинаково значимы две противостоящих тенденции: сравнение с другими, стремление к обретению их достижений, с одной стороны, и сохранение своей идентичности – с другой.

Фокусируя внимание на истории распространения западно-европейского культурного круга на Российскую империю, необходимо отметить, что историография (как отечественная, так и зарубежная) полна примерами вестернизации. Действительно, нелегко назвать область российской жизни, в которую бы не проникла европейская идея либо предмет. Трудно отрицать значение диффузии европейских инноваций в стране, в которой многие поколения мечтали иметь свою койку (голл. *Koii*), кухню (нем. *Kuchen*), где они могли бы готовить на конфорке (голл. *Konfoor*) суп (фр. – *soup*), пюре (фр. – *purée*) с котлетой (фр. – *cotelete*), компот (нем. – *Kompott*), периодически мыли пол шваброй (голл. *Zwaaber*), носили юбки (польск. – *jurka*), блуз-

ки (нем. – Blouse), пиджаки (англ. – reajacket) и брюки (голл. – broek), обували туфли (нем. – fouffel) и ботинки (нем. – Botine), зарабатывая на жизнь в цехах (нем. Zech), шахтах (нем. – Shacht), конторах (нем. – Kontor), банках (англ. – bank) и институтах (англ. – institute)⁶. То есть, мы живем в обществе, в котором большая часть понятий привнесена вместе со словами их обозначающими, из других, прежде всего, европейских культур.

Исследуя взаимодействие культур, принадлежащих к разным цивилизациям, акцент очевидно, надо делать на процессе восприятия, адаптации, на освоении и синтезе привносимого извне, реакции общества, воспринимающего инновации. Часто такой реакцией становится отторжение. Его истоки – в традиционных ценностях, представлениях, социальных институтах, доминирующих в обществе. Парадоксальным образом, сами они могут быть также когда-то привнесенными извне. Таким «ретроградом», препятствовавшим проникновению и осуждавшим распространение новых (европейских) заимствований в рассматриваемый период выступает некогда сам заимствованный институт – православная церковь и соответствующие ему мораль и представления о мире.

Европейская цивилизация воспринимается как, безусловно, значимый аттрактор современного развития, во многом ориентир, маяк, в том числе, и для России. Однако надо решительно подчеркнуть, что нельзя все имеющиеся варианты становления современных обществ оценивать исключительно путем сопоставления с западноевропейским модернизационным эталоном. Российская модернизация не может рассматриваться как девиация от европейского псевдо эталона, но является национальным путем трансформации традиционного общества в современное. Только учет взаимодействия внутренних и внешних факторов

в российской истории нового времени позволяет существенно продвинуться в понимании сложного процесса складывания национально-специфической модели перехода от традиционного к индустриальному обществу, иными словами, выявлению цивилизационной специфики российской модернизации.

Если обратиться к изучению темы проникновения и распространения экзогенного опыта в России, то приходится констатировать, что, несмотря на внушительные исключения⁷, преобладающим подходом в современной историографии является изолированность рассмотрения западных инноваций. Исследователи редко применяют методологию диффузионизма, то есть, связывают какой-либо европейский феномен с центром его возникновения, причинами и обстоятельствами проникновения в Российскую империю, прослеживают каналы и механизмы распространения, пути, которыми оно шло, рассматривают носителей новшества, анализируют состояние местной среды, на предмет готовности восприятия инновации, изучают, как шла ее рецепция, что и почему искажалось, приживалось или отторгалось, и, главное – каков был результат интродукции чуждого нововведения в русскую культуру.

Представляется важным также прослеживать изменения в диффузионных механизмах, эволюцию факторов, каналов, агентов распространения инноваций в кратко и долгосрочной перспективах, уделяя особое внимание конфликтам между традиционным и инновационным опытом, изучать конструктивное и деструктивное значение механизмов диффузии в российском цивилизационном контексте. Очевидна недостаточность применения в современной историографии системного подхода, который позволяет проследить все этапы диффузии иннова-

ций – от появления до трансформации в иной культуре. Этот недостаток ущербен не сам по себе, а постольку, поскольку не позволяет убедительно ответить на главный вопрос: каковы результаты диффузии европейских инноваций в конкретных областях и значение этого процесса в целом для российской истории. Попробуем наметить методологическое русло (в силу ограниченности объема статьи представляющего здесь далеко не все компоненты⁸), следование которому поможет оптимизировать решение сложившейся историографической проблемы.

Культурные круги. Выявление значимых инноваций (технологических достижений), фиксация центров инновационного опыта, прослеживание их смены, наблюдение за распространением сведений о нововведениях и заимствованием самих инноваций дает нам знание о точке отсчета, векторе развития и системе координат, которые определяют специфику исторического прогресса в конкретный период. В диффузионизме распространение инноваций из центра их появления в соседние территории сравнивается с распространением концентрических кругов от брошенного в воду камня и обозначается как распространение культурной волны.

В XVII – начале XX в. центрами инновационного развития в Европе являлись Голландия, Швеция, Пруссия, Франция, Англия. Первая из распространившихся в другие европейские страны и Россию волн заимствования была связана с появлением в Голландии океанских кораблей нового типа, «флайтов», открывших принципиально иные возможности для морской торговли, и обусловивших торговую экспансию Голландии. Вторая диффузионная волна пошла из Швеции. В ее основе лежала организация легкой артиллерии (создание полковых пушек и облегченных мушкетов)

и военные реформы шведского короля Густава Адольфа (сформировавшего первую в Европе регулярную армию). Во второй половине XVIII в. на смену голландской и шведской диффузионным волнам приходят прусская и французская – «вторичные» волны, связанные с дальнейшим развитием голландских и шведских инноваций. (Пруссия переняла и продолжала развивать шведскую военную систему, достигнув значительных успехов в обучении войск новой линейной тактике. Победы прусского короля Фридриха II порождают в Европе волну модернизации по прусскому образцу: перенимается прусская военная система и четкая государственная дисциплина. Французская диффузионная волна была результатом «кольберовской» модернизации и взлета французского могущества при Людовике XIV). Победы Наполеона I инициировали в Европе новую волну модернизации по французскому образцу. Техническими инновациями, которые обеспечили военные успехи Наполеона, являлись усовершенствованная артиллерия и тактика пехотных колонн. Промышленная революция в Европе породила следующую диффузионную волну, эпицентром которой была Англия. В военной сфере одним из проявлений промышленной революции было создание нарезных ружей, «штуцеров», строительство железных дорог. Новые достижения в военной области (прежде всего, создание стальных пушек Круппа) обусловили победы Германии, что в сочетании с быстрым промышленным развитием сделало эту страну источником новой диффузионной волны и очередным образцом для подражания. История России в XVII–начале XX вв., равно, как и история других государств, в значительной мере формировалась под воздействием диффузионных волн, исходивших от различных стран Европы и вызванных масштабными техническими и экономическими инновациями⁹.

Каналы распространения инноваций. Диффузия инноваций осуществляется через определенные каналы, пути, «открываемые» государством и интересами, потребностями общества. Межкультурные, межгосударственные контакты России и европейских стран в XVIII – начале XX вв. шли через такие двухсторонние каналы как: посольская, дипломатическая деятельность, военные действия, торговля, деловые поездки, путешествия, родственные связи, проживание в стране, искусство, переписка, печатные (массовые и профессиональные) средства информации, изобразительные источники, профессиональные встречи, театр, кинематограф.

Для периода XVIII – XIX вв. трудно переоценить значение печатных средств передачи информации. Этот канал работал поразительно эффективно и на самом высоком государственном уровне. (Хорошо известно, что Екатерина II по ее собственному выражению «огрabila Монтескье» при составлении своего знаменитого Наказа. Менее известен факт ее обращения к другим публикациям идей и практических рекомендаций, например, к книге «Политические учреждения» гамбургского писателя Якоба Фридриха фон Билефельда (1717-1770), который до 1755 г. состоял на службе у Фридриха Великого. Императрица воспользовалась этой книгой для подробного описания задач городской и сельской полиции¹⁰).

Целесообразно градировать контакты россиян, осуществлявшиеся посредством названных каналов, как: личные/ институциональные; добровольно-самостоятельные/ вынужденные; элитарные/ массовые; эпизодические/ длительные. В них были задействованы как частные, так и официальные лица. Часть из них была изначально сориентирована на рецепцию зарубежного опыта, другие воспринимали европейскую повседневность

спонтанно. Дифференцируя каналы диффузии экзогенных инноваций в России, следует учитывать их эволюцию. Например, появление новых средств передачи информации (телеграф, телефон, кинематограф), а также расширение охвата информацией и самими новинками масс.

Агенты. Взаимодействие российской и западноевропейской цивилизационных сред осуществлялось, прежде всего, через людей – генераторов и главных проводников информации, знаний, опыта. Российские подданные находились на территории западноевропейских стран, а западноевропейцы проживали в России. Важнейшими агентами, получавшими и распространявшими информацию о европейском опыте были государственные деятели, элита, чиновники, технические специалисты, военные, студенты, ученые, коммерсанты, губернаторы и учителя. На протяжении рассматриваемого периода появляются новые агенты передачи инноваций, возрастает их число.

Специалисты являлись ключевыми фигурами в распространении нового производственного и культурного опыта в России. Их значимость прекрасно осознавалась инициаторами преобразований – монархами. Так, своих корреспондентов в Германии Екатерина II постоянно призывала прислать специалистов. По ее просьбе врач и писатель И.Г. Циммерманн в 1786 г. завербовал в Россию 26 врачей и хирургов и одного инженера. Императрица просила для Крыма знающих людей разного профиля: по разведению шелковицы и Ботанического сада, для суконного производства и сыроварения. «Ведь во всей России никто не варит сыр!» – с негодованием писала она Циммерманну¹¹.

Выезжавшие за границу с разными целями представители российской элиты, государственные деятели брали на заметку ев-

ропейские достижения с тем, чтобы по возвращении внедрить их на родине, в России. Е.Р. Дашкова (1743-1810) – директор Академии наук, президент Российской академии, ездила за границу дважды: в 1770-1771 и 1777-1782 гг. с целью дать образование своим детям. В Ливорно вместе с детьми она посетила карантинный госпиталь. Дашкова пожелала иметь его устав для передачи русской императрице, «ввиду того, что целый ряд ее великих завоеваний приближал нас с каждым днем к климатической полосе, богатой разными эпидемиями...»¹².

В середине XVIII в. долго жил в Европе (с 1748 до 1760 г.), хорошо знал европейскую культуру, собеседник и помощник Екатерины II, дипломат граф Н.И. Панин (посланник в Дании, Швеции). «Жители Стокгольма нередко могли наблюдать, как посланник Российской империи ходит по мастерским и мануфактурам, подолгу беседует с токарями, кузнецами, ткачами. Панин и сам выучился многим ремеслам, будучи уверенным, что и такое «не весьма важное любопытство свою пользу и еще немалую пользу приносит». Он присматривался ко всему и интересовался всем – от медицины до истории театра¹³. В 1760 г. Панин был отозван в Петербург, приступил к обязанностям обергофмейстера. Он предложил императрице проект постоянного Императорского совета с целью усилить правовой контроль над указами и распоряжениями монарха, избежать неформальных путей принятия решений (интриги, фаворитизм). Образцом для него стал шведский аристократический Государственный совет. Екатерина приняла было проект Панина и даже подписала манифест о новом постоянном совете и назначила его членов, но одумалась, надорвала на документе свою подпись, и манифест остался необнародованным.

Европейское образование стало фундаментом для успешной карьеры и деятельности на пользу Российской империи многих представителей правящей элиты рассматриваемой эпохи. К примеру, Ф.В. Ростопчин (1763-1826) – министр иностранных дел при Павле I, комендант Москвы в 1812 г., в конце 1780-х слушал лекции в Лейпцигском университете, изучал в Прусской академии математику и науку фортификации. В середине XVIII в. в качестве студента по Германии, Франции, Австрии, Испании, Англии путешествовал и обучался в разных учебных заведениях будущий государственный канцлер граф А.Р. Воронцов (1741-1805). В Страсбургском университете получали образование будущий министр народного просвещения (1810 – 1817 гг.) А.К. Разумовский; московский генерал-губернатор Д.В. Голицын; министр финансов Д.А. Гурьев, многие дипломаты, литераторы, медики. Среди студентов, обучавшихся за рубежом во второй половине XVIII века: Д.С. Руднев (в иночестве Дамаскин), ректор Славяно-греко-латинской академии; писатель А.Н. Радищев; О.П. Козодавлев, в 1810-1819 гг. министр внутренних дел. Конечно, обучение в зарубежных университетах способствовало становлению и отечественных ученых: академики А.П. Протасов, И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецковский, В.Ф. Зуев, Н.П. Соколов учились в Страсбургском университете. Этот ряд можно продолжить.

Отдельная тема – поездки в Европу представителей правящего дома Романовых. В одну из таких поездок, в 1816 – 1817 гг. будущий император Николай Павлович четыре месяца провел в Англии, в том числе, посещая заводы, верфи, угольные шахты, промышленные предприятия, тюрьмы и больницы.

Что касается иностранцев, агентов распространения европейских нововведений в российской земле, то наибольший вклад

в развитие торговли, ремесел, культуры, науки внесли немцы. Их диаспора в России была наиболее многочисленна и диверсифицирована по районам проживания и роду занятий. Деятельность многих немцев имела огромное значение для перспективного развития государства. Например, петербургское правительство было обязано наиболее ценными научными описаниями новых южных территорий, районов Волги, Урала и Сибири преимущественно немецким ученым, таким как И.А. Гюльденштедт, К. Габлиц, П.С. Паллас, И.Г. Георги, Т.И. Ловитц, Г.В. Шторх, В.Х. Фрибе, К.Т. Германн и др. Разнообразное знание о слабоосвоенных землях позволило правительству предпринимать соответствующие меры для их закрепления и развития в составе империи.

Механизмы. Существенным вопросом с точки зрения эффективности усвоения нововведений являются механизмы, обеспечивающие внедрение инноваций в новую культурную среду и укоренение в ней. К подобного рода механизмам можно отнести такие сложные социальные системы как: государственный аппарат, воспитание, образование, пропаганда (в рассматриваемый период часто осуществлялась посредством массовых зрелищ – ассамблей, фейерверков, празднований викторий). В определенные исторические периоды механизмом распространения и закрепления инноваций может выступать религия (например, в случае распространения византийского культурного круга в Древней Руси или мистико-экуменических идей, поддерживаемых Александром I, и определявших характер и направление внутренней и внешней политики российского правительства в 1812-1824 гг.)¹⁴. Своеобразным механизмом, информировавшим местное население об отличном от традиционного образе жизни были иноземные «анклавы» на российской территории: Не-

мецкая слобода в Москве, поселения немцев-колонистов на юге России, немецкие районы в городах (например, немецкая улица в уральском городе Златоусте).

Важнейшим механизмом проникновения и усвоения новых знаний является система образования. Петровский период в развитии отечественного образования современного типа характеризовался созданием прежде всего специализированных учебных заведений, ориентированных на подготовку остро необходимых кадров в новых областях рационального знания: артиллерии, инженерии, горного дела. Все эти учебные заведения, представлявшие новые разделы наук в России, были основаны иностранцами. Они создавали школы, вели в них занятия, подготавливали учебные пособия по западноевропейским образцам. Их «врастание» в отечественное поле знаний было медленным, трудным, сопряженным с отторжением традиционной среды.

Новый период в истории русского образования наступил тогда, когда на смену узкопрофессиональной и сословной школе первой половины XVIII в. явилась школа общеобразовательная и бессословная, преследовавшая чисто педагогические цели¹⁵. Её утверждение в России приходится на царствование Екатерины II, а точнее, на конец XVIII столетия.

В России заимствовались не только знания, но и само школьное устройство¹⁶. Главным, но не единственным образцом школьной реформы в России был немецкий. В России, основанный еще в 1731 г. Кадетский корпус для детей дворян ориентировался на прусский образец, созданный королем-солдатом Фридрихом Вильгельмом I. Екатерина II в своих первых попытках организации учебных заведений в России ориентировалась на французский и британский опыт. Так были основаны вос-

питательный дом для сирот и Смольный институт благородных девиц. Система воспитания в этих школах-интернатах опиралась на концепции Локка, Фенелона и Руссо¹⁷. В результате проработки лучших вариантов школьной системы, в качестве образца была избрана австрийская структура школы, разработанная И.И. фон Фельбигером. В 1786 г. школьная реформа получила законодательное оформление в виде «Устава народных училищ». К концу правления Екатерины II, в 1796 г., в 316 народных школах работало 744 учителя, училось 16 220 школьников и 1 121 школьниц. Если учитывать прочие подобные заведения, в особенности духовные и военные училища, то общее число учащихся составляло 62 000 – при том, что население России насчитывало 37 млн. человек (по переписи 1795 г.). В начале XIX в. в империи насчитывалось около 500 светских учебных заведений с 45-48 000 учащихся¹⁸.

В ходе реформы в России впервые была образована единая система государственных учебных заведений, с общей методикой и организацией учебного процесса. Учебные пособия и таблицы для обучения, методические пособия и другие вспомогательные материалы для учителей были созданы на основе австрийских или сербских образцов. Все существовавшие к тому времени как государственные, так и частные школы были поставлены под государственный контроль, чтобы обеспечить единообразие преподавания во всей Российской империи. Таким образом, в числе прочих механизмов распространения европейских инноваций, государство создавало, развивало и контролировало образование.

Фактор изменчивости. Исследуя заимствование европейских образцов в России необходимо учитывать изменения, приводившие к смене центров инновационного развития, появление

новых средств передачи информации, расширение круга лиц, задействованных в процессе распространения некогда элитарных знаний и предметов в более широкой народной массе, смену целей и задач государства. Так, при Петре I более всего была востребована и усваивалась западная военная наука, фортификация, навигация. Во второй половине столетия русские в Европе преимущественно стали изучать медицину, юриспруденцию и гуманитарные науки. При Петре I записки русских путешественников были переполнены описаниями христианских реликвий Запада. Во второй половине XVIII об этом упоминалось лишь вскользь, наряду с другими культурными достопримечательностями Европы, что свидетельствует о первых результатах модернизации традиционного общества – обмирщении душ и традиционного сознания великосветского русского общества.

Изменению подвергается и отношение русских к Европе. В конце XVIII в. наивное, открытое восприятие Европы сменяется критическим, подчас переходившим в суровое осуждение его порядков. Все больше европейски образованных русских людей (публицист кн. М.М. Щербатов, историограф И.Н. Болтин, писатель Д.И. Фонвизин, видные сановники А.Р. Воронцов, Г.Р. Державин) считали, что нововведения и реформы не должны повреждать основы национальной жизни. То есть, поколение людей, выросшее на широком и основательном знакомстве с европейской мыслью, пересматривает отношение к Петру I, реабилитируют Древнюю Русь, ее религиозные, идейные, этические и эстетические достижения.

Равным образом, меняется и реакция Запада на стремление России к сближению с его цивилизацией. В XVIII в. распространение европейской культуры в России расценивалось как торже-

ство этой культуры, после поражения Наполеона – Россия воспринималась как угроза европейской цивилизации.

Результаты. Накопленный исследовательский потенциал позволяет оценивать роль экзогенных факторов в цивилизационной динамике Российской империи, как в количественно-конкретной, так и философски-широкой плоскостях. Что касается первого (конкретного) подхода, то, как ни парадоксально для гуманитариев-историков, ответ на вопрос о цене европейских инноваций в отечественной истории может быть математически точным. Пример такого рода конкретных подсчетов для конца XVIII в. дал американский исследователь А. Кахан, рассчитавший «цену вестернизации», которую русское дворянство (а, фактически, русское крестьянство) платило за западную роскошь, соответствующий стиль жизни, образование и путешествия в Европу. Вычисляя, во что обходились русскому дворянству, его крепостным и государству указанные траты, американский историк пришел к выводу, что ежегодные расходы на эти цели в 1793-1795 гг. были не менее 18 млн руб., что составляло более 35% доходов помещичьих хозяйств¹⁹.

Эти цифры позволяют сделать и ряд достаточно широких выводов. Во-первых, такие расходы были непосильны более чем для половины помещиков, разоряя их и не способствуя формированию устойчивой, состоятельной, экономически продуктивной элиты, что повлияло на замедленное развитие капитализма в России. Во-вторых, крупные и средние землевладельцы тратили существенную часть доходов от продажи продукции не на развитие сельского хозяйства или промышленности, а на импорт европейских товаров, оплату губернёров, путешествия в Европу и т.д., то есть, на непроизводительные цели, не содействуя разви-

тию отечественной экономики. В-третьих, высокий уровень расходов, вызванных культурной модернизацией, с неизбежностью вёл к росту экономического прессинга на крепостное хозяйство, под знаком чего и осуществлялась экономическая и политическая деятельность дворянства в XVIII в. Расширение посевных площадей и интродукция новых видов растений, развитие скотоводства, поощрение разделения труда и разного рода крестьянских промыслов в XVIII в. связаны с экономическими потребностями дворянства, чьи повседневные нужды и новомодные прихоти были вынуждены обеспечивать крепостные крестьяне. Рост дворянского предпринимательства в самых разных отраслях деятельности, наблюдавшийся с 1740-х гг., также был сопряжён с поиском новых источников покрытия умножавшихся расходов. В-четвертых, поскольку собственных средств дворянства на «европейские безделицы» не хватало, государство поддерживало своих «слуг», раздавая владения и деньги из казны, что приводило к укреплению позиций государства²⁰. Таким образом, возросшие в связи с вестернизацией потребности российского дворянства в новом образе жизни, роскоши, корреспондировались с коммерциализацией сельского хозяйства и поиском новых источников пополнения бюджета. Вестернизация была мощным стимулом, заставлявшим помещиков искать пути увеличения своих доходов²¹, и пути эти неизменно приводили к эксплуатируемой рабочей силе.

Приведенные данные относятся к концу XVIII столетия, но известно, что тенденция к росту непроизводительных расходов двора и дворянства берет истоки в начале имперской истории, заметно усиливаясь после смерти Петра I. Ситуация мало изменилась и в веке XIX. По замечанию де Кюстина, «русский высший свет всю жизнь занят поисками модных образцов в дальних

пределах»²². Таким образом, запад формировал потребности российской элиты, и сам их удовлетворял, поставляя в Россию дорогостоящие предметы европейского обихода. В значительной степени, это способствовало развитию барщинного хозяйства и усугублению тягостей крепостного права, а не экономическому и социокультурному прогрессу.

Отрицательным для российской цивилизации последствием перенимания европейского стиля жизни стало усугубление размежевания общества на две ассиметричные части. В результате преобразований петровской эпохи, когда, по выражению А.С. Пушкина, «европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы»²³, произошла революция в культуре, всколыхнувшая ограниченный круг родовой и профессиональной элиты, но спровоцировавшая разлом единого национально-культурного пространства на европеизированную элитарную часть и традиционную народную толщу. Новая культура оказалась достоянием лишь малой части народа, а важнейшим результатом внешнего влияния на русское общество стал его раскол. «Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных своих частях, так и русское общество неодинаково проникаясь западным влиянием во всех своих слоях, расколосось»²⁴. Таким образом, интенсификация международных контактов, появление новых идей, образов и представлений, использование иностранных вещей и технологий оказало глубокое эродирующее воздействие на российскую почву. Неравномерное восприятие западных инноваций и ценностей, неорганичное смешение их с местными традициями и социальными институтами привело к долгосрочным негативным последствиям для русского общества, одним из которых, в отдалённой перспективе, стал революционный социальный конфликт первых десятилетий XX в.

Еще одно, гораздо более длительное последствие неорганической европеизации, не изжитое до сих пор, относится к области социальной психологии. Оно связано с культивировавшимся государством и элитой отношением к Европе, как к образцовой модели прогресса, и к иностранцам, как к людям достойным всяческого подражания. Причем основа такого отношения закладывалась на ранних этапах европеизации России с участием самих иностранцев, поощряемых Петром I, что осознавалось уже в XVIII в.²⁵

Иностранцам специалистам в России всегда платили большие деньги, в несколько раз превосходившие жалованье русских, их приглашали для организации самых разных культурных и производственных начинаний. Отношение к иностранцам как к обладателям высоко ценимой (в том числе, и материально) и мало доступной простому народу информации породило устойчивый и внутренне противоречивый комплекс заискивания и неприязни. Этот комплекс отсталости, второсортности, угодливости перед иностранцами, устойчивый стереотип «там лучше» сохраняется в нашем обществе до сих пор. С точки зрения цивилизационной идентичности Россия привыкла довольствоваться ролью страны «второго эшелона». Предпринятая попытка предложить миру собственный – советский – вариант развития, на несколько десятилетий задвинула комплекс отсталости в дальний угол, но оригинальный государственный строй рухнул в тот момент, когда глыба объективных трудностей его эволюции оказалась дополнительно подточенной вожделениями западного образа жизни.

В XVIII в. «ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»²⁶. Однако именно этот статус позволил ей развиваться в европейском цивилизационном пространстве, а со временем внести в него свой весомый вклад. Необходи-

мо признать историческую, цивилизационную значимость для России вступления в колею общеевропейского прогресса. Это позволило, переняв инновации в военной, технической, культурной областях, укрепить государство и сохранить суверенитет. Позитивной стороной распространения европейских инноваций в России было ее приобщение к достижениям западной цивилизации. Торговое мореплавание, промышленная и аграрная революции, идеи гуманизма и просвещения, наука и образование, медицина, искусство – все это обладало большим и прогрессивным потенциалом, который, впрочем, в большей степени был реализован лишь за пределами рассматриваемого нами периода. В рамках имперской истории приобщение к благам европейской цивилизации ограничивалось относительно узкой социальной стратой. К концу XVIII в. лишь около 4% населения относилось к городскому – то есть, более активно испытывавшему непосредственное диффузионное влияние. Через столетие, по переписи 1897 г. дворянство составляло примерно 1,5% населения страны (около 1,8 млн чел.); сословие купцов и почётных граждан – около 0,5% (600 тыс.); сословие мещан – 10,7% (около 10 млн чел.). Основное сословие страны – крестьянство насчитывало к началу XX в. около 97 млн чел., т.е. примерно 77% населения, и было неравномерно и в целом слабо проникнуто модернизационными трансформациями. Однако, существуя первоначально в пределах достаточно узко очерченного круга лиц, способных приобретать импортный товар или заказывать его аналоги в России у иностранных мастеров или местных ремесленников, инновации постепенно выходили за пределы состоятельных сословий, становились элементами престижа, а позже – привычными предметами обихода и повседневности у основной массы населения.

Именно такой путь в сегодняшнюю массовую повседневность проделали привнесённые элитой из Европы предметы мебели, столовые приборы, обои, пальто, конфеты, телефоны и т.п.

Выводы. Названные выше методологические подходы и обозначенные оценки роли европейских инноваций в цивилизационной динамике Российской империи касаются лишь некоторых из сторон сложного проблемного комплекса, связанного с модернизацией России. В его исследовании необходимо исходить из того, что в основе теорий модернизации лежит признание Западной Европы как центра нового, современного, типа развития. Диффузионный подход позволяет, во-первых, рассматривать вестернизацию как один из процессов в протяженном ряду смены мировых доминант прогресса и гегемоний, воздействовавших на Россию; во-вторых, изучать модернизацию как совокупность множества региональных подпроцессов, находящихся в сложных, реципрокных отношениях взаимосвязи и взаимовлияния; в-третьих, предметно соотносить модернизационные перемены в России с их европейскими аналогами.

Этот метод открывает широкую перспективу исследователям, фокусируя внимание на вопросах: откуда распространилась диффузионная волна, что лежит в ее основе, как реагирует общество на инновации, каким образом меняется образ жизни и мышление. Диффузионизм позволяет изучать проблему европейского влияния в отечественной истории, с одной стороны, дифференцированно (в связи с различными культурными кругами: голландским, шведским, немецким, французским, британским), а с другой стороны, системно, охватывая широкий круг внедрения конкретных инноваций в разнообразных областях общественной жизни на протяжении всего периода апелляции

к западноевропейскому опыту модернизационного развития с конца XVII в. до революции 1917 г.

Заимствование и адаптация знаний, идей, технологий, вещей, самых разнообразных элементов культуры играют ключевую роль в мировом модернизационном процессе. Полагая Россию его участником, и используя концепцию диффузионизма как методологию изучения распространения инноваций в обществе, можно исследовать модернизацию России в XVIII – начале XX вв. в контексте мирового модернизационного развития. Это направление представляется очень перспективным, так как позволяет увидеть «европейские корни» многих современных российских явлений, оценить историческую динамику и результаты обращения к европейскому опыту модернизационного развития.

Примечания

¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 25.

² Нефёдов С. А. История России. Факторный анализ. Т.1. С древнейших времен до Великой Смуты. Екатеринбург, 2009. С. 64.

³ Диффузионизм (от лат *diffusio* – разлитие, просачивание) — направление в общественных науках, полагающее основой социального развития процессы заимствования и распространения культуры из одних центров в другие. Складывается во второй половине XIX в. в Германии и Австрии как реакция на крайности эндогенистского эволюционизма, объяснявшего развитие обществ исключительно их внутренними свойствами и законами роста по обязательным стадиям органической эволюции.

⁴ Ратцель Ф. Народоведение. Т. 1–2. СПб., 1900–1901; Фробениус Л. Детство человечества, СПб., (б. г.); Graebner F. Die Methode der Ethnologie. Heidelberg. 1911.

⁵ Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892; McNeill W. The rise of the West: a history of the human community. N.–Y., 1963; McNeill W. The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. Oxford, 1983; Rogers E. M. Diffusion of innovations (4th ed). N.–Y., 1995; С.А. Березкин Ю.Е. Ареальное распределение фольклорно-мифологических мотивов: глобальная база данных и ее статистический анализ как метод глубокой реконструкции эволюции человеческой мифологии // История и Математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов / Отв. ред. А.В. Коротаев, С.Ю. Малков, А.Е. Гринин. – М.: КомКнига, 2007. Нефёдов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. Екатеринбург, 2009. 247 с. и др.

⁶ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. СПб., 1996; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. 5-е изд. М., 2002; Словарь иностранных слов. М.,

1964. Под обозначением «нем.», «фр.» и пр. указан наиболее вероятный путь проникновения слова в русскую лексику.

⁷ *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892; *Богословский М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1721 гг. М., 1902; *Peterson С.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979; *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005; *Анисимов, Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) М., 1999 и др.

⁸ В статье названы лишь некоторые методологические ориентиры и единичные примеры, поясняющие их. Более подробно см.: *Алексеева Е.В.* Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гум. инст-та, 2006. 263 с.; *Она же.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.). М.: РОССПЭН, 2007. 368 с.

⁹ *Нефедов С. А.* История России и европейские диффузионные волны XVII–XIX веков // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. / отв. ред. *Е.В. Алексеева.* – Екатеринбург, 2009. С. 15–22.

¹⁰ Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники последней трети XVIII века. Вып. 3. М., 2008. С. 20.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² *Дашкова Е.Р.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 118.

¹³ Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники последней трети XVIII века. Вып. 3. М., 2008. С. 150.

¹⁴ *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов. 2002. С.135–136.

- ¹⁵ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т. 2, ч. 2. М., 1994. С. 257.
- ¹⁶ Кандаурова Т.Н. Европейская система образования в культурном пространстве России (XIX – начало XX вв.) // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10-11 ноября 2009 г. / отв. ред. Е.В. Алексеева. – Екатеринбург, 2009. С. 390–398.
- ¹⁷ Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники последней трети XVIII века. Вып. 3. М., 2008. С. 22.
- ¹⁸ Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987. С. 286.
- ¹⁹ Kaban A. The Costs of “Westernization” in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. Vol XXV, №.1 1966. P. 46.
- ²⁰ Ibid. P. 66.
- ²¹ Ibid. P. 46.
- ²² Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. М., 2000. С. 255.
- ²³ Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10-ти т. М., 1981. Т. 6. С. 196.
- ²⁴ Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Ч. 1. М., 1994. С. 294.
- ²⁵ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 126–127.
- ²⁶ Миллюков П.Н. Государственное хозяйство... С. 735.